

ПОЭТИКА ТЕКСТА

ЛОГИЧЕСКИЙ И СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СИМВОЛА И МЕТАФОРЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

И.В. Якушевич

Кафедра русского языка и методики
Московский гуманитарный педагогический институт
Ходынский бул., 21А, Москва, Россия, 125252

В статье символ и метафора противопоставлены как механизмы ассоциативного мышления с разной референцией, которая и обуславливает выбор синтаксических средств их выражения в поэтическом тексте.

Ключевые слова: поэтический текст, символ, метафора, логический и синтаксический аспекты.

Поэтический язык немислим без символа и метафоры, и в современной лингвокультурологии научный интерес к этим механизмам образного мышления лишь усиливается. Если о метафоре сказано, как нам кажется, чересчур много, то о символе — чересчур мало, неопределенно, как о чем-то не имеющим к сфере лингвистики никакого отношения. В частности, остаются непроясненными принципы разграничения символа и метафоры в поэтическом тексте, ведь их неразличение в художественном пространстве стихотворения иногда фатально для его интерпретации. В этой статье мы попытаемся доказать, что выбор синтаксической единицы, выражающей символ или метафору, обуславливает их точную квалификацию в поэтическом тексте, что позволит верно оценить и воссоздать художественный мир лирического стихотворения.

Оба термина — и «символ», и «метафора» — можно рассматривать гносеологически, как тип образного мышления, и эстетически, как прием в художественной речи. Рассмотрим символ и метафору в одной «плоскости» — как выраженные языковыми средствами механизмы образного мышления.

Как знак, символ состоит из означающего — чувственного образа, воспринимаемого перцептивно, и означаемого — нескольких отвлеченных, даже метафизических, понятий типа «бог», «мироздание», «душа», «чувство», «жизнь», «смерть» и пр. К примеру, символ «снег» состоит из чувственного образа СНЕГ и следующих отвлеченных значений: 1) смерть или болезнь; 2) беда; 3) негативные переживания; 4) сон; 5) брак (1).

Между чувственным образом и его символическим значением устанавливается подобие. П. Флоренский определил его как растворение чувственной, и поэтому понятной энергии, в энергии другой, непознанной, но более ценной сущности так, что первая несет эту непознанную энергию в себе [10. С. 26]. А.Ф. Лосев более конструктивно объяснил загадочную природу символического подобия: понятие-означающее является орудием познания, тем, что не только обозначает нечто отличное от себя, но является «методом ориентации в ней, методом ее распознавания, принципом превращения ее для человека из плохо сознаваемого или даже совсем не тронутого никаким познанием хаоса в расчлененный и познаваемый космос» [7. С. 168]. Например, ДОМ, символизируя человека, является принципом образно-пространственного осмысления того, что древнему человеку недоступно вне образов: физиология тела, мир чувств и мыслей. Так окна символизируют глаза, а крыша — голову и разум, рассудок.

Метафора — «способ мышления и познания действительности, заключающийся в уподоблении познаваемого объекта А объекту В, уже в достаточной мере нами познанному и поэтому допускающему некоторую экстраполяцию своих признаков на объект А» [8. С. 67]. Как знак метафора также состоит из означаемого (логический субъект) и означающего (логический предикат). При метафоризации определенные признаки логического предиката экстраполируются на логический субъект. К примеру, в метафоре *золото волос* логический субъект — *волосы*, логический предикат — *золото*. Метафора — это «ассоциативная предикация» (термин П. Рикера).

На первый взгляд, символ и метафору различить трудно: и тот и другой механизмы вырастают из подобия двух предметов, явлений, ситуаций, что и является причиной их неразличения в художественном тексте. Однако символ и метафора — принципиально разные типы ассоциативного мышления и задают разную художественную реальность поэтического текста. Корень отличия символического мышления от метафорического скрыт в их разной референции.

Акт сравнения, или подобия, «создается признаками субстанции и устанавливается между разными объектами, обладающими большим или меньшим количеством общих черт» [1. С. 276]. Причем, при образном сравнении сходство устанавливается между предметами, принадлежащими разным классам: например, льдинами и лебедями из стихотворения А. Фета «Опять незримые усилья...»: *И речка к ней на середине За льдиной выпускает льдину, Как будто стаю лебедей*. Референцию подобия в этом стихотворении можно трактовать двояко: 1) стая плывущих белых лебедей столь же реальна, как поток белых льдин на вскрывшейся весенней реке; 2) стая лебедей — умозрительная ситуация, возникшая в сознании автора как ассоциация по цвету и множественности предметов на плывущие по реке льдины. В первом случае мы имеем два референта (лебеди и льдины), а во втором — только один (льдины).

Референт сравниваемого понятия (то, что сравниваем) достоверен всегда, поскольку выполняет роль субъекта ассоциации. А вот утверждать реальность референта сравниваемого понятия можно лишь в контексте. Так, в строке М. Цветаевой *То не белый плат вьется — Душа с телом расстаётся* сравниваемая ситуа-

ция (*плат вьется*) иллюзорна благодаря отрицающему ее контексту: *то не белый плат вьется*. Такое сравнение монореферентно: достоверна только реальность смерти. Итак, подобие, лежащее в основе как символа, так и метафоры, может быть как моно-, так и полиреферентно в зависимости от контекста.

У метафоры референция иная, поскольку метафора, по мнению Н.Д. Арутюновой, является и тождеством и подобием одновременно. Вообще, с точки зрения логики тождество — это «равенство предмета, явления с самим собой или равенство нескольких предметов», если все свойства одного предмета характеризуют и другой, отождествляемый предмет [9. С. 457] Тождество возможно, если, во-первых, оно возникает между разными именами одного и того же референта или сравниваемые предметы принадлежат к одному и тому же классу [1. С. 279—280].

Основываясь на подобии, метафора идет дальше и устанавливает тождество между предметами, относящимися к разным классам, поэтому полученное тождество с точки зрения рациональной логики ложно. Ведь тогда, к примеру, в метафоре *золото осени* металл и время года — одно и то же. Это, безусловно, не так, поскольку отождествляются только признаки сопоставляемых предметов, а референт остается один — осень как субъект ассоциации.

Продемонстрируем механизм метафоризации на примере метафоры М. Цветаевой *сновидца, всевидца Пустое стекло*. На первом этапе устанавливается факт подобия между предметами: «глаза спящего человека подобны пустым стеклам». Это утверждение истинно, так как не противоречит рациональной логике. На втором этапе сравнение редуцируется до тождества. Но утверждение *сновидца пустое стекло* ложно, ибо нарушает рациональную логику: у человека не могут быть окна вместо глаз. Именно этот последний этап качественно преобразует исходное подобие в метафору. Ложное высказывание порождено нарушением семантического согласования в синтагме и свидетельствует о том, что одно из слов употреблено в переносном значении (в нашем примере это слово «стекло»). Нарушение семантического согласования слов в синтагме — несомненный лексико-семантический маркер метафоры [4. С. 490]. Важно, что актуальным является только один референт (глаза), второй же редуцирован и мыслится условно как предмет сравнения. Итак, метафора монореферентна.

Попытаемся описать метафорическое мышление с точки зрения референции. Источником референции, заполняющей художественное пространство стихотворения, является лирический субъект — это своеобразный «двойник» автора, создающий вокруг себя художественный мир как «созвучие внешнего и души, возбужденное им настроение, сердце, как оно чувствует себя в таком окружении» [6. С. 514—515]. Мир вещей — материализация его сознания. В метафорическом сознании лирический герой доминирует и обуславливает единство и целостность художественного мира, он — «режиссер», выбирающий и объект метафорического сравнения, и «тело» образного потока.

Направленность метафорической мысли обнажает уникальность авторского «я», которое может проявляться как в выборе объекта скрытого сравнения, так и в выборе образа-предиката. Поэтому метафора не тотально «заражает» весь художественный мир, но «точечно» выбирает один (или несколько) из его параметров.

Обратимся к метафоре осени как лесного терема из стихотворения И. Бунина «Листопад»:

Но Осень затаит глубоко
Все, что она пережила
В немую ночь, и одиноко
Запрется в тереме своем

<...>

Лес, точно терем, без призора,
Весь потемнел и полинял,
Сентябрь, кружась по чашам бора,
С него местами крышу снял
И вход сырой листвой усыпал...

Автор сопоставляет реальность осеннего леса, охваченного листопадом, с реальностью терема, в котором живет женщина. Но лес реален, а терем гипотетичен. Он мыслится условно, как объект скрытого сравнения, и в художественную действительность стихотворения не включается: мы видим именно осенний лес, а не терем, который мыслим условно как иллюзорный мир, наслаивающийся на реальный. Лирическое «я» направляет ход метафорической мысли и выхватывает из гипотетической реальности детали, «примеривая» их к образу леса. Так, снятая с дома крыша — облетевшая листва, которая ложится на землю, словно бы у входа в терем. Первые заимки поэт описывает в образе одетой в белую горностаевую душегрейку женщины, а наступившую зиму — как пустой открытый терем: *Давно уж птицы улетели; Туда и Осень поутру Свой одинокий путь направит И навсегда в пустом бору Раскрытый терем свой оставит.*

Итак, при метафорическом мироощущении лирический субъект един и является «режиссером» ассоциации. Он моделирует: 1) один художественный мир в одном пространственно-временном континууме; 2) при этом метафоризация затрагивает лишь избранные реалии художественного мира.

Подобие в символе полиреферентно: каждый из компонентов символа — и чувственный образ и абстракция — формируют вокруг себя свою реальность со своим пространством и временем. Они сосуществуют как два параллельных мира или измерения. Поэтому лирический герой в символическом мышлении раздвоен: в реальности означаемого его присутствие естественно, так как обычно это описание эмоций, переживаний. В реальности означающего лирический герой почти незаметен, растворен в объективности образов, создаваемых за пределами мира души, но мы почему-то уверены, что он живет как второе «я» этой материи, как ее новая душа и как ее вторая жизнь. Секрет этого ощущения в подобии сосуществующих реальностей символа: они как два параллельных, взаимозаменяемых и неотделимых измерения, как две взаимопроникающие энергии [10. С. 26] — мир плоти (означающее) и мир души (означаемое).

Так, в стихотворении З. Гиппиус «Тишь» реальность безмолвного зимнего города сосуществует параллельно с реальностью печали в сердце лирической героини: *На улицах белая тишь // Сердце, отчего ты молчишь?* Обе реальности

сосуществуют, но в разных фрагментах действительности, наполняя символическим смыслом друг друга: зимний город подобен печальной душе и, наоборот, душа лирической героини напоминает *белую тишь* города. В городе *тихий снег, тих как мертвый*, и в сердце тихий плач; над городом *окровавленный щит* луны, и в душе смута. Лирическое «я» полноправно царит в реальности души и только угадывается в эпитетах городского пространства (*тихий снег, окровавленный щит луны*), в гиперболизации повтора *такая тихая, такая тишь*.

Похожий образ в стихотворении «Памяти Цветаевой»: здесь реалии зимы, обозначенные словами *снег, сугроб* и формируют реальность, символизирующую смерть: *Пред домом яблоня в сугробе И город в снежной пелене. Твое огромное надгробье, Как целый год казалось мне.*

Таким образом, при символическом мироощущении формируются два подобных художественных мира, каждый со своим пространственно-временным континуумом, что является причиной раздвоения лирического субъекта: он в равной степени присутствует и в материальном мире означающего и в идеальном мире означаемого, тем самым утверждая их неразрывность и тождество. Опишем синтаксические конструкции, маркирующие метафорическое и символическое мироощущение.

Учитывая, что монореферентность метафоры и полиреферентность символа — главный параметр их разграничения, определим, как особенности онтологической природы символа и метафоры могут быть отражены в семантической и синтаксической структуре предложения. Для этого необходимо перейдем от референции имен, которая по своей природе предметна, статична, к динамической референции высказывания, простейшей единицей которой является событие.

Целое направление знаменитых логиков языка (Л. Витгенштейн, З. Вендлер, С.Д. Канцельсон) приняли за элементарную единицу онтологии мира событие: «Мир определен фактами и тем, что все факты» [3. С. 5]. При этом понятие «факт» и «событие» нередко отождествлялись. Событие — явление онтологическое: оно происходит, во-первых, в сфере людей, во-вторых, в определенное время и, в-третьих, в определенном месте. Понятие «ситуация» традиционно обозначает референцию высказывания [5]. Но принято говорить все же о событии, так как, по определению З. Вендлера, это «родовой термин, охватывающий такие понятия, как процессы, действия, условия, ситуации, изменения, положения дел» [11. Р. 141]. Таким образом, событие реально является референтной единицей высказывания. Следовательно, чтобы «перекодировать» символ и метафору из умозрительной ассоциативной модели в высказывание, необходимо воспринимать их моно- и полиреферентность как моно- и полисобытийность.

Пропозиция изоморфна событию тем, что состоит из логического субъекта и его предикативного признака. В предложении предикативный признак приписывается предмету, названному подлежащим, то есть соотносится с такими грамматическими категориями, как модальность, время и лицо. Следовательно, пропозиция репрезентирует структуру события в предложении через категорию предикативности, и, таким образом, моно- и полисобытийность символа и метафоры непосредственно связана с моно- или полипредикативностью синтаксических конструкций.

Метафора порождает один пространственно-временной план, одно событие, которое может быть выражено в пределах одного предложения в виде предикативного или непредикативного сочетания слов или осложняющей конструкции. Приведем примеры метафор, оформленных разными синтаксическими конструкциями. Многие из них описаны Ю.П. Солодубом в статье «Структурная типология метафоры» [8].

Непредикативные (среди которых классические генетивные метафоры и эпитеты) и предикативные словосочетания:

а) *кровь уборов, золотолиственных уборов, осень ищет взоров* (А.А. Фет: *Но есть и дни, когда в крови Золотолиственных уборов Горящих осень ищет взоров*);

б) *горят розы, пылающие розы* (П. Вяземский): *По зыбким белым облакам Горят пылающие розы*);

в) *море грядущего, святилище небес* (Ф. Тютчев: *Грядущего волнуемое море, живая колесница мироздания Открыто катится в святилище небес*).

2. Осложняющие конструкции:

а) причастный оборот: *два черных солнца, бьющих из-под век* (Б. Пастернак: *Что дремлет человек, Которому сквозь сон палят ресницы Два черных солнца, бьющих из-под век*);

б) приложение: *сон.., замороженный лес* (И. Манделштам: *Мой тихий сон, мой сон ежеминутный, Невидимый замороженный лес*).

Полисобытийность символа воплощается в большинстве полипредикативных синтаксических конструкций: сложносочиненных предложениях, сложноподчиненных предложениях расчлененной структуры, бессоюзных предложениях либо просто в разных предложениях одного сложного синтаксического целого или всего текста. Приведем несколько примеров.

1. Существование достоверных и самостоятельных референтов символа в высказывании лучше всего оформляется параллелизмом синтаксических конструкций, о котором много писал А.Н. Веселовский [2. С. 406]: *Целому морю — нужно небо, Целому сердцу — нужен весь Бог* (М. Цветаева) // *Запевает вьюга в полях моих, Запевает тоска на сердце* (С. Парнок) // *Слушай, ветер звезды гонит, Слушай, пасмурные кони Топчут звездные пределы И кусают удила* (А. Блок) // *Душа за душой, волна за волной — Два проявленья стихии одной. В сердце ли тесном, в безбрежном ли море, Здесь в заключении, там — на просторе* (Ф. Тютчев) // *Желтый лист о стебель бьется Перед бурей; Сердце трепетно трепещет Пред несчастьем* (М. Лермонтов). В большинстве примеров семантический параллелизм усиливается синтаксическим параллелизмом с анафорами.

2. *Сад весь в цвету, Вечер в огне, Так освежительно-радостно мне!* (А. Фет). Каждая часть бессоюзного предложения оформляет один из компонентов символов: САД — ДУША и СОЛНЦЕ — ДУША. Означающее первого символа — *сад в цвету*, второго — *вечер в огне* (то есть закат). Означаемое общее — *так освежительно-радостно мне* — как состояние души (метонимия: «душа — радость»).

3. В стихотворении И. Бродского «Витезслав не звал» лирический герой видит на другом конце пражского Карлова моста свою возлюбленную: *На Карловом мосту ты улыбнешься, Переезжая к жизни еженощно Вагончиками праж-*

ского трамвая. Это предложение — реализация означающего. Бытовая, на первый взгляд, ситуация имеет символический подтекст: для лирического героя Карлов мост с вагончиками трамвая — переправа в царство мертвых, потому что его подруга, умерев, еще не успела проститься с этим миром — *еженощно* она возвращается на землю. И лирический герой видит ее: *Я говорю, а ты меня не слышишь. Не крикнешь, нет, слова не напишешь. Ты мертвых глаз теперь не поднимаешь. И мой, живой, язык не понимаешь.* Этот поток простых и сложных предложений является означаемым древнего символа МОСТ — ПЕРЕХОД В МИР ДУШ, СМЕРТЬ. В компоненты символа оформлены разными предложениями, где особую смысловую нагрузку несет имя собственное *Карлов мост* и словосочетание *мертвые глаза*.

Итак, символическое и метафорическое мышление в поэтическом тексте трудно отличить друг от друга, поскольку они основаны на ассоциативном подобии двух предметов, явлений или ситуаций. Но если в символе подобие полиреферентно и воспринимается как поэтическое двоемирие, то в метафоре логико-ассоциативная предикация монореферентна. Полиреферентный, а точнее полиситуативный, символ выражен полипредикативными конструкциями, а монореферентная метафора — словосочетаниями или осложняющими конструкциями.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Здесь и далее значение символа формируется на основании повторяющихся данных следующих словарей символов: *Бауэр В., Домоц И., Головин С.* Энциклопедия символов. — М., 2000; *Копалинский В.* Словарь символов. — Калининград, 2002; *Мифы народов мира.* Энциклопедия. В 2 т. — М., 1992; *Керлот Х.Э.* Словарь символов. — М., 1994; *Надя Жульен.* Словарь символов. — М., 1999; *Тресиддер Д.* Словарь символов. — М., 2001; Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. В. Андреева и др. — М., 1999; Словарь символов и знаков / Авт.-сост. Н.Н. Рогалевиц. — Мн.: Харвест, 2004; *Грушко Е.М., Медведев Ю.М.* Словарь славянской мифологии. — Нижний Новгород, 1996; *Славянская мифология.* Энциклопедический словарь. — М., 1995.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Арутюнова Н.Д.* Тождество или подобие // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 276.
- [2] *Веселовский А.Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. — М.: Высшая школа, 1989.
- [3] *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / Пер. с нем. — М.: Гнозис, 1994. — С. 1—74.
- [4] *Гак В.Г.* Лексико-семантические преобразования // Гак В.Г. Языковые преобразования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — С. 480—497.
- [5] *Гак В.Г.* О двух типах знаков в языке (высказывание и слово) // Язык как знаковая система особого рода. — М.: Наука, 1967.
- [6] *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика: В 4 т. Т. 1, 3. — М., 1968—1971.
- [7] *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. — 2-е изд., испр. — М.: Искусство, 1995.
- [8] *Солодуб Ю.П.* Структурная типология метафоры // Филологические науки. — 1999. — № 4. — С. 67—76.

- [9] *Философский словарь* / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. — М., 1963. — С. 457.
[10] *Флоренский П.А. Иконостас*. — СПб., 1993.
[11] *Vendler Z. Say what you think. Studies in thought and languages. The Univ. of Arizona Press, 1970. — С. 141.*

LOGIC AND SYNTACTIC ASPECTS OF DIFFERENTIATION OF THE SYMBOL AND METAPHOR IN THE POETIC TEXT

I.V. Yakushevich

Chair of Russian and a technique
Moscow humanitarian teacher training college
Hodynky str., 21A, Moscow, Russia, 125252

The short summary: In article the symbol and a metaphor are opposed as different mechanisms of associative thinking with different референцией which causes a choice of syntactic means of their expression in the poetic text.

Key words: poetic text, symbol, metaphor, logic and syntactic aspects.